

УДК 821.161.1

**ТЕМА РАЗРУШЕНИЯ ПРИРОДНОГО БЫТИЯ
В ПРОЗЕ В. РАСПУТИНА И Р. СЕНЧИНА**© *Бадугева Гунсэма Цыдыповна*

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: badgu@mail.ru

Статья посвящена активно разрабатываемой в русской прозе 2-й половины XX – начала XXI в. теме разрушения природного бытия под влиянием промышленного освоения сибирских земель, строительства гидроэлектростанций и т. д. Писатели акцентируют внимание на трагических последствиях вторжения цивилизации в традиционный уклад жизни местных жителей и экосистему осваиваемых пространств. Затопление деревень, разрушающее природную первозданность и вековой уклад жизни с незыблемыми нормами и традициями, становится лейтмотивом в произведениях В. Распутина. Через четыре десятилетия после «Прощания с Матёрой» к теме исчезновения сибирских деревень в результате строительства Богучанской ГЭС, построенной на Ангаре и запущенной в 2014 г., обратился писатель Р. Сенчин в романе «Зона затопления» (2015). В самом названии романа писатель более жестко, чем Распутин, сосредоточивает внимание на том, какие социально-нравственные последствия переживают герои-переселенцы, утратившие стабильность и смысл существования. Отношение Распутина к своим героям иное, в нем звучит голос надежды, признания неоконченности «приговора» вечному конфликту природы и цивилизации.

Ключевые слова: В. Распутин; Р. Сенчин; Сибирь; цивилизация; традиционный уклад; сюжет затопления; онтологическая катастрофа.

Для цитирования

Бадугева Г. Ц. Тема разрушения природного бытия в прозе В. Распутина и Р. Сенчина // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. 2020. Вып 4. С. 62–69.

Тему разрушения природного бытия в прозе писателей-сибиряков следует рассматривать в контексте темы покорения Сибири, неоднократно осмысливавшейся в русской литературе, в том числе в «Строгановской летописи», «Ремезовской летописи», воспоминаниях протопопа Аввакума, одах и поэмах М. В. Ломоносова, неоконченном «Повествовании о Сибири» А. Н. Радищева, поэме С. Наровчатова «Семен Дежнев», романах «Угрюм-река» В. Шишкова, «Отчий край» К. Седых, «Ерофей Хабаров» Д. Романенко, «Далекий край» Н. Задорнова, «Сибирь», «Строговы» Г. Маркова, «Территория» О. Куваева, «Дебри», «Тобол» А. Иванова, «Его родовое имя», «Байкал – море священное», «Рубеж», «Берег времени» К. Балкова и других. В советской литературе активно использовались сюжеты преобразования края, где преобладала их романтизация, придавался пафос героики первопроектирования. Так, герой повести А. Кузнецова «Продолжение легенды» (1957), только окончивший школу и приехавший на строительство Иркутской ГЭС, воспринимает себя и товарищей преобразователями. Но талантливые мастера слова постепенно приходили к другому взгляду на проблему

освоения Сибири, все чаще вели речь о разрушении природного бытия. Они справедливо беспокоились о происходящих изменениях, которые не всегда были положительными для природы и коренных жителей. Вторжение цивилизации воспринималось с неизбежностью, но последствия необдуманного вмешательства осмыслены глубоко трагично.

Рассмотрим развитие интересующей нас темы подробнее на примере произведений двух писателей-сибиряков: В. Распутина («Прощание с Матёрой», «Пожар», «Изба») и Р. Сенчина («Зона затопления»). Поколенчески это очень разные писатели – В. Распутин вошел в литературу в 1960-е гг., Р. Сенчин же – представитель «поколения детей», начал писать в постсоветское время, активно публикуется с 2000-х гг. Тем более интересно понять, какую позицию они занимают в решении темы.

В текстах В. Распутина и Р. Сенчина сюжетобразующую роль играет ситуация затопления деревень и переселения жителей в новое место (поселок, город) в связи со строительством гидроэлектростанций. Писатели, решая тему разрушения существовавшего прежде гармоничного бытия в согласии с природой и в целом с миром в мотивах опустошения, омертвения, акцентируют внимание на трагических последствиях вмешательства прогресса в традиционный уклад жизни местных жителей и экосистему осваиваемых пространств, на отношении к природе, изменениях души человека под влиянием новых духовных и общественных обстоятельств.

В период активного освоения территории Сибири В. Распутин, работая журналистом, по заданию редакции часто бывал на строительстве Красноярской ГЭС и магистрали Абакан – Тайшет. Впечатления от поездок легли в основу первых книг и стали началом обращения к переосмысливаемой от произведения к произведению и повторявшейся в дальнейшем творчестве теме трагического распада и разрушения бытия. Его первые сборники «Костровые новых городов» (1966), «Край возле самого неба» (1966) составили очерки и рассказы, для которых характерны романтическая героика, пафос «покорения природы». По мнению А. Разуваловой, в ранних очерках-рассказах Распутина дано романтическое описание Сибири, заострявшее «инаковость» этой территории за счет гиперболизации природно-географических характеристик [5, с. 196]. Но уже в них появляются переживания отдельной личности в изображении народа – преобразователя природы. Затем взгляд автора на проблему освоения Сибири коренным образом меняется: он полемизирует с идеей прогресса, с неизбежностью электрификации страны, строительства гидроэлектростанций, многочисленных магистралей, всего того, что изменяет привычную систему координат и традиционные ценности, приводя к полному разрушению прежнего микрокосма.

Мотив затопления становится одним из лейтмотивов прозы В. Распутина – от очерка-рассказа «Вниз и вверх по течению» до повести «Прощание с Матёрой». А начало нового взгляда, конечно, лежит в воспоминаниях детства о затопленной в связи со строительством Братской ГЭС родной Усть-Уде. Отторжение писателя вызывает не только постепенное физическое уничтожение деревень, но исчезновение выверенного веками деревенского уклада жизни с незыблемыми нормами и традициями.

В повести «Прощание с Матёрой» (1976), в которой Распутин показывает последние дни одной сибирской деревни, расположенной на острове посреди Ангары и попавшей в зону затопления ГЭС, проблематика и пафос по сравнению с очерками меняются. Так, характерный для очерков романтический пафос освоения новых мест и кардинального изменения судьбы присущ теперь лишь молодежи, например, внук главной героини Андрей восторженно принимает строительство той самой ГЭС, которая должна затопить его родную Матёру, и собирается устроиться туда на работу. Но писатель включает в сцену отъезда горестные наблюдения и размышления Дарьи, ее обиду. Она понимает и в чем-то даже принимает идею прогресса и острый интерес, по-детски нетерпеливое стремление Андрея к приобщению к стройке века, желание не отстать от эпохи, но не принимает нравственную глухоту внука: «Не прошелся по Матёре, не погоревал тайком, что больше ее никогда не увидит, не подвинул душу <...> этой земле, где он родился и поднялся» [7, с. 229].

Рисуя трагическую картину последних дней Матёры, вместе с героиней и Хозяином острова Распутин, в отличие от Сенчина, не только горюет об ее исчезновении, но и философски размышляет о неоднозначности жизни. Описание стойкости «царского лиственя», который стоял «на бугре в полверсте от деревни» «вечно, могуче и властно» (здесь и далее курсив наш – Г. Б.), крепил «остров к речному дну, одной общей земле» [7, с. 254], выстоял, не сломился в трехдневной борьбе с «пожогщиками»: «А дерево спокойно и *величественно возвышалось* над ними, не признавая никакой силы, кроме своей собственной»; «Один *выстоявший, непокорный* «царский лиственя» продолжал *властвовать* надо всем вокруг» [6, с. 257, 258], как и изображение обхода Матёры Хозяином («Хозяин любил прислушиваться к этому нутряному, струйному звучанию текущей реки, <...>. Оно возносило его к *вечности, к раз и навсегда заведенному порядку*» [7, с. 173]) – выступают как голос вечной и неуничтожимой природы.

О том, что были затоплены и исконные бурятские деревни на Ангаре, напоминает поставленный на основе повести «Прощание с Матёрой» и воспоминаний стариков деревни Бильчир Иркутской области – очевидцев событий строительства Братской ГЭС – спектакль Бурятского государственного академического театра драмы им. Х. Намсараева «Полет. Бильчирская история» (2017). Спектакль также перекликался с романом «Зона затопления» Р. Сенчина. В сценографии, например, использовались отдельные эпизоды повести В. Распутина, когда оконная рама деревенского дома, чемодан «висят или даже плавают над сценой, создавая ощущение погибшего, затопленного мира» [3]. Как и в «Прощании с Матёрой» и «Зоне затопления», в спектакле реальное событие становится историческим фактом. Трагедия жителей затопляемых земель связана с тем, что они не по собственной воле навсегда прощаются с малой родиной – тоонто нютаг.

Сложное и подчас необратимое воздействие новых жизненных реалий влияет на судьбу человека. В трагической судьбе Пашуты, героини одного из последних рассказов Распутина «В ту же землю» (1995), которая, как и Андрей Пинигин, в юности мечтала о романтике и новых землях, уехала на стройку века, можно предположить завершение судьбы молодого деревенского жителя 1980-х гг., восторженно встретившего происходящие перемены. Трагический финал

жизни Пашуты: в конце жизни осталась без семьи, детей, утратив родовые корни, – отчетливо характеризует авторскую позицию.

В 2000-е гг. Распутин снова с болью возвращается к волновавшей его теме переселения в связи с затоплением ангарских деревень. В рассказе «Изба» родную деревню главной героини – Криволуцкую, которая располагалась на «нагретом людьми ангарском берегу», как когда-то Матёру, стирают с лица земли. Агафья практически в одиночку переносит свою избу в новый поселок, куда «свезли еще пять береговых деревушек». Позиция автора, его реакция-рефлексия видна даже в названии улицы, где поставила дом героиня, – Сбродная.

Затопление плодородных земель из-за возведения электростанции происходило не только на малой родине Распутина, но и в других местах: в Новосибирске появилось Обское водохранилище; на Енисее построили Саяно-Шушенскую и Красноярскую ГЭС и т. д. В 2009 г. В. Распутин, критик В. Курбатов, издатель Г. Сапронов проехали по Ангаре от Иркутска до плотины Богучанской ГЭС (эта поездка легла в основу телевизионного документального фильма «Река жизни. Валентин Распутин», состоящего из двух частей: «Мертвая вода» и «Живая вода»). Они с горечью зафиксировали, что от реки почти ничего не осталось, только ряд водохранилищ: Братское, Усть-Илимское, Богучанское и другие. Экспедиция оказалась для всех троих своеобразным прощанием с уходящей в небытие родной землей. В фильме «Река жизни. Валентин Распутин» показаны старинные сибирские села: Кеуль, Кижма, Паново, доживавшие тогда последние месяцы и дни.

Об исчезновении этих и других деревень в результате строительства Богучанской ГЭС, построенной на Ангаре и запущенной в 2014 г., написал и младший современник В. Распутина писатель Р. Сенчин в романе «Зона затопления» (2015), вышедшем через 40 лет после «Прощания с Матёрой». В одном из интервью прозаик, отвечая на вопрос об автобиографических предпосылках книги, сказал: «Я родился и вырос на Енисее. С детства знал, что ниже по течению строят самую “большую ГЭС в мире” – Саяно-Шушенскую. Был знаком с ребятами, которых переселили из зоны затопления Саянского водохранилища. <...> Мне казалось, что Саяно-Шушенская – последняя из такого рода электростанций, а оказалось, что их продолжили строить. Тот район, где появилась Богучанская, раскинулось новое искусственное море, мне дорог. Кусочек моей родной Сибири» [10]. Возможно, отсюда использование реальных фамилий, названий деревень и местностей, у некоторых персонажей романа Сенчина есть прототипы.

«Зона затопления» открывается посвящением В. Г. Распутину, а в шестой главе «На новом месте» герой Алексей Брюханов рассуждает об авторе и его книге. Некоторые критики называют произведение Сенчина продолжением идей «деревенской прозы» и «Прощания с Матёрой» [13]. По мнению других, Сенчин не зависит от предшественника [1; 4]. Несомненно, писатель продолжает распутинские мотивы, в романе немало реминисценций из распутинских текстов, но Сенчин ставит вопросы более остро, судьбы его героев более трагичны в силу остроты современного положения дел и абсурда обыденной жизни в условиях капитализма.

В отличие от Распутина Сенчин фокусирует повествование не на одном населенном пункте, а на двух деревнях – Пылёво и Большаково, упоминается

еще несколько других сел: Кутай, Проклово, Усово, Сергушкино, Косой Бык и другие. Все они должны исчезнуть: «от села, где почти четыре века жили люди, останутся сначала горки пепла, а потом, когда там, внизу, закроют путь реке, размоет эти горки запертая вода. И все. Ни следа, ни метки...» [9, с. 123]. Использование оппозиций «старое – новое», «традиция – прогресс», «жизнь – смерть», последняя из которых тесно связана с фольклорным мотивом «живой и мертвой воды», позволило оживить через воспоминания и размышления стариков разрушаемый на их глазах традиционный уклад жизни, одновременно дав возможность прощания с ним. Микро- и макромир как героев Распутина – Дарьи Пинигиной, других материнских старух: Катерины, Настасьи, Симы, всех жителей Матёры, Агафьи, Савелия («Изба»), так и героев романа Сенчина – Алексея Брюханова, Алексея Михайловича Ткачука, Масляковых, Синицыных, Ирины Викторовны и других, – будет размыт мертвой водой водохранилища, которая оставит только «дикое мертвое место над мертвой стоячей водой» [9, с. 123] и лишит их последующую жизнь онтологических основ, существовавших в былом мире.

Название второй главы «Зоны затопления» – «В чужую землю» – отсылает к рассказу Распутина 2000-х гг. «В ту же землю». И в том, и в другом произведении важную роль играет мотив смерти как составная часть темы разрушения природного бытия. Показателен небольшой диалог на кладбище Афанасия Ивановича и героя по прозвищу Молоточек во время выкапывания могилы: «Город, он мертвых не любит». – «Да и живых не особо» [9, с. 37]. Место действия начала романа – деревенское кладбище, заканчивается произведение уже на городском кладбище.

Художественное пространство еще одной главы («Эксгумация») – вновь кладбище, откуда переносятся могилы пылёвцев, и она тоже связана с распутинским текстом. Матёринцы во главе со старухами смогли в начале повести отстоять и оставить на прежнем месте родные могилы, но в конце Дарья прощается с отцом и матерью, многочисленными родственниками и винится перед ними за то, что оставляет здесь (значит, под водой), среди их разоренного последнего пристанища: «И вас хотела с собой взять, чтоб там вместе лягчи, и это не выйдет. Не сердитесь на меня, я не виноватая. Я-то виноватая, виноватая, <...> Не помереть мне в спокое, что я от вас отказалась, что это на моем, не на чьем веку отрубят наш род и унесет» [7, с. 251]. Герои Сенчина перевозят останки односельчан на новое место. Но заканчивается глава очередной смертью – председателя сельсовета Алексея Михайловича Ткачука, сердце которого не выдержало тяжести и бессмысленности новой жизни. Он сдержал данное землякам слово: добился переноса могил, но жить дальше не смог. Кольцевая композиция подчеркивает обреченность, даже апокалиптизм последней главы «Идет вода», где на городское кладбище снова наступает водная стихия, замыкает круг поставленных автором проблем, многие из которых остаются без ответа: персонажи романа лишены гармонии, нет покоя даже умершим, живых охватывает страх.

В художественном решении рассматриваемой темы особую роль играют персонажи нового типа, на которых повлияло социальное пространство, связанное с активным освоением Сибири в XX в. и изменением структуры населения: «пожогщики», «разорители», «архаровцы», «перекати-поле» Распутина («Про-

щение с Матёрой», «Пожар»), заключенные (зеки) Сенчина. Для них сибирский край был «не “своим” или “чужим”, а временным местом пребывания» [8]. Подобного рода герои утратили былые связи с мирозданием, потеряв стабильность и осмысленность бытия. Постепенное увеличение их количества свидетельствовало о прогрессирующей деградации общества. Антитеза коренных жителей и «пришлых» подчеркивает губительность воздействия на природное пространство. У Распутина противостояние жителей Матёры и «пожогщиков», Сосновки и «архаровцев» заострено, трагично, сопровождается ссорами, скандалами и прямыми столкновениями коренных жителей и «разорителей». Герои Сенчина – заключенные из колонии-поселения – изначально маргиналы. Они, в отличие от распутинских «чужих», сразу ведут себя агрессивно, в одном из эпизодов избивают непокорного сына хозяина лесопилки Александра Маслякова. Брат героя Юрий Масляков характеризует их емким словом «зверье». Значимая в писательских концепциях оппозиция «свои – чужие (пришлые)» характеризует отношение к жизни человека, живущего в родном для него пространстве.

Переселение людей отлучает их от предначертанного пути, ломает жизненный цикл, уравнивает переезд со смертью [12], и с этим утверждением В. А. Степановой трудно не согласиться. В романе Сенчина, как и в повести Распутина, исчезновение деревни означает не просто исчезновение на географической карте одного населенного пункта, а конечную точку разрушения природного бытия – исчезновение, как отмечено выше, традиционного образа жизни, когда люди не живут в одиночку, находятся в согласии друг с другом и природой. Жизнь в поселке или городе, пусть и небольшом, способствует разделению и отчуждению, разрушению, вплоть до потери коммуникации.

В «Прощании с Матёрой» контуры новой жизни только намечены: старухи, пьющие чай в доме Дарьи, осознают, что вот так, за самоваром, пить чай в поселке или городе они не смогут. И самовар вряд ли переедет с ними на новое место жительства. В повести «Пожар» (1985) новый мир уже показан, и в нем «то, за что держались еще недавно всем миром, что было общим неписаным законом, твердью земной (законы общего бытия – Г.Б.), превратилось в пережиток, в какую-то ненормальность и чуть ли не в предательство» [6, с. 300]. Переселенцы (в «Зоне затопления» в народе их называют «утопленниками») у Распутина живут пока даже не в городе, а в поселке Сосновка. И жизнь в нем идет по другим, хищническим, законам, которые проявляются в отношении к природе, к поселку, друг к другу. Призыв «жить по совести» главного героя Ивана Петровича, продолжателя образа Павла Пинигина, прожившего двадцать лет на новом месте, остается не услышанным.

Сенчин больше, чем Распутин, сосредоточивает внимание на том, как живут переселенцы в маленьких провинциальных городах. Здесь можно увидеть своеобразное завершение линии, начатой Распутиным: деревня Матёра, села Пылёво и Большаково, поселки Сосновка («Пожар»), Кутай, Богучаны сменяются у Сенчина районным центром Колпинск, городами Енисейск, Лесосибирск, Канск, Заозерный, Ачинск, Шарыпово, Минусинск, Сосновоборск, Назарово, Красноярск, Саяногорск, Абакан. Его переселенцы потеряли не только дом, а много больше. Сенчин подробно останавливается на том, как чувствует себя деревенский человек, оказавшийся не по своей воле в комфортных, казалось бы, условиях города.

В городской квартире нет ни крыльца, ни двора, ни сада, ни огорода, где можно соприкоснуться с исцеляющей и примиряющей природой, с бытием, очиститься душой. Деревенский житель воспринимает город как среду, враждебную ему, как «зону», имеющую разрушительное воздействие на психику. Слово «зона» в контексте романа имеет несколько значений. Жизнь в городе проходит в тесных бетонных коробках, без общения с соседями и природой. Теряется родная среда обитания: «повсюду чужие люди, чужая земля» [9, с. 83]; «не здесь была черная пустота» [9, с. 93]; происходит отчуждение и разделение семей; безработица лишает смысла жизнь деревенского человека, привыкшего трудиться; тоска одолевает сельчан. Укрупнение населенного пункта ведет к потерям: «От пристани вела дорога к городу, за которым начинался огромный мир с десятками и сотнями других городов и сел, поселков, деревушек, по которым распылялись жители Большакова. Распылялись, терялись, исчезали...» [9, с. 76]. Попав в новый мир, чужой для них, герои теряются, выбирают нравственно ложные ориентиры.

Нагнетающий концепты «тоска», «обида», «пустота», Сенчин в итоге не оставляет героям, как и в других своих произведениях, надежды на спасение. В творчестве же Распутина бытийное, философское и духовно-нравственное начала сохраняются при всем трагизме мотива затопления, потому что он не выносит окончательных вердиктов. Его отношение к героям иное, в нем много мучительного сожаления, трагической печали, признания необратимости перемен как результата вечного конфликта природы и цивилизации. Можно говорить о силе художественного метода писателя, который продолжает реализм «философски-аналитический, исследующий связи жизни, социальной, исторической и “вечной”, общезначимой для всего человечества» [2, с. 182].

Таким образом, особая актуализация темы разрушения природного бытия в контексте темы освоения Сибири в русской прозе 2-й половины XX – начала XXI в. свидетельствует о сложных процессах в развитии общества, как позднего социалистического, так и капиталистического. Строительство ГЭС, промышленное освоение сибирских земель, подключающие их «к магистральным направлениям исторического процесса» [11, с. 3], но разрушающие природную первозданность края и жизни коренных жителей, в книгах В. Распутина и Р. Сенчина выступают символами онтологической катастрофы.

Литература

1. Журов А. Постскрипtum: [О книге Романа Сенчина «Зона затопления»] // Новый мир». 2015. № 10. С. 159–169.
2. Колобаева Л. Художественный мир В. Распутина // Очерки истории русской литературы XX века. Вып. 1. М.: ИЦ филол. ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, 1995. С. 165–183.
3. Кренская О. [Отзыв о спектакле «Полет. Бильчирская история»] // Все о культуре Бурятии [Электронный ресурс]. URL: http://minkultrb.ru/news/detail.php?SECTION_ID=95&ELEMENT_ID=16491 (дата обращения: 18.12.2020).
4. Морозов С. Хроники «потопа» // Молоко. 2014. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://moloko.ruspole.info/node/5368> (дата обращения: 20.11.2020).
5. Разувалова А. Писатели-деревенщики: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: Нов. лит. обозрение, 2015. 616 с.
6. Распутин В. Пожар // Распутин В. Повести. М.: Просвещение, 1990. С. 283–331.
7. Распутин В. Прощание с Матёрой // Распутин В. Повести. М.: Просвещение, 1990. С. 137–282.

-
8. Рыбальченко Т. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX века [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mionpublications/sbornik_Sib/6_1.html (дата обращения: 18.11.2020).
 9. Сенчин Р. Зона затопления: роман. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 381 с.
 10. Сенчин Р. Распутинская проза – последний всплеск большой литературы: Интервью // Культура. 2015. 1 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://portal-kultura.ru/articles/books/95604-roman-senchin-rasputinskaya-proza-posledniy-vsplesk-bolshoy-literatury/> (дата обращения: 20.11.2020).
 11. Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX-XX веков: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. М., 2016. 384 с.
 12. Степанова А. В. Дуализм как формула мировоззрения В. Распутина: художественная система выражения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 24 с.
 13. Суриков В. Жертвы цивилизации // Эксперт. 2015. № 51. С. 67.

THEME OF DESTRUCTION OF NATURAL LIFE IN PROSE
BY VALENTIN RASPUTIN AND ROMAN SENCHIN

Gunsema Ts. Badueva
Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Dorzhii Banzarov Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: badgu@mail.ru

The article reviews the theme of destruction of natural life which was actively developed in Russian prose in the second half of the 20th and in early 21st centuries, by Valentin Rasputin and Roman Senchin. The writers focus on the tragic consequences of invasion of civilization into the traditional way of life of local residents and the ecosystem of surrounding spaces. The industrial development of Siberian lands, the construction of hydroelectric power plants and destroying natural primordality are all symbols of an ontological catastrophe.

Keywords: Valentin Rasputin; Roman Senchin; Siberia; civilization; traditional way; flooding plot; ontological catastrophe.